

УДК 81:1, 81.242

**РЕЧЕВЫЕ ОСОБЕННОСТИ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ ИВАНА ГРОЗНОГО
(на материале переписки Ивана Грозного с другими историческими деятелями)****Е. Е. Рыбникова, Д. В. Киселева**

Настоящая статья посвящена актуальной проблеме репрезентации исторической языковой личности на материале переписки русского царя Ивана Грозного. А также дается система описания языковых средств, характеризующих личностное начало Ивана Грозного.

This article devotes to the topical problem of historical figure's representation, based on the material of Ivan the Terrible's correspondence. Also the system of description of linguistic means which characterized Ivan the Terrible as personality is given.

Ключевые слова: языковая личность, образ автора, историческая языковая личность.

Вопрос о сущности феномена языковой личности – репрезентации авторского начала в тексте – интересовал ученых на протяжении многих лет. Так, ещё в конце XIX в. фон дер Габеленц, говоря о полифункциональности языка, отмечал наличие экспрессивной и эстетической функций, которые позволили ему при обращении к текстам художественной литературы выявить особенности авторского стиля, его индивидуальность [3]. Изначально данный вопрос был предметом изучения литературоведения, поэтому речь шла о категории образа автора, о которой впервые заговорил В. В. Виноградов и дал определение понятию, послужившее толчком для исследования субъектной организации художественного текста. По мнению ученого, «образ автора – ...это концентрированное воплощение сути произведения, объединяющее всю систему речевых структур персонажей в их соотношении с повествователем-рассказчиком или рассказчиками и через них являющегося идейно-стилистическим средоточием, фокусом целого» [2]. Однако нет единого определения данного понятия. Так, В. Б. Катаев дает наиболее широкое толкование и трактует его как «структуру, в которой элементы объективной действительности соотносены с человеческим к ним отношением и тем самым организованы эстетически», а М. М. Бахтин «фактически не признает «образ автора» как таковой (если речь не идет о рассказчике) [7].

С конца XX в. к проблеме личностного начала в тексте, в связи с актуализацией антропоцентрического направления в науке, начинают обращаться и лингвисты. В научный оборот Ю. Н. Карауловым введен термин «языковая личность», под которым понимается – «совокупность способностей и характеристик человека, обуславливающих создание и воспроизведение им речевых произведений (текстов), которые различаются:

- а) степенью структурно-языковой сложности,
- б) глубиной и точностью отражения действительности,
- в) определенной целевой направленностью» [6].

То есть, все выводы в отношении языковой личности производятся на основе особенностей созданных ею текстов.

Определения данного феномена находятся в тесной взаимосвязи, но следует учитывать, что раз-

ные аспекты интересуют ученых в решении научной проблемы: литературоведы рассматривают образ автора как объединение стилистических приемов, посредством которых можно выявить идейную позицию писателя (понятие идиостилия); в лингвистике же делается акцент на языковых особенностях личности автора.

По мнению Ю. Н. Караулова, языковая личность имеет три структурных уровня: нулевой (вербально-семантический), когнитивный (тезаурусный) и мотивационный.

Первый уровень – вербально-семантический (семантико-строевой, инвариантный), отражает степень владения обыденным языком. Он представлен отдельными словами, стандартными словосочетаниями, простыми формульными фразами.

Второй уровень – тезаурусный представлен обобщенными понятиями, крупными концептами, находящими выражение в генерализованных высказываниях, дефинициях, афоризмах, пословицах и поговорках, из которых каждая языковая личность выбирает те, которые отражают и определяют ее жизненное кредо. Собственно языковая личность начинается именно с этого уровня, т. к. именно на данном уровне оказывается возможным индивидуальный выбор, личностное предпочтение. Он предполагает отражение языковой модели мира личности, ее тезауруса, культуры.

Третий уровень – высший, мотивационный, представлен коммуникативно-деятельностными потребностями личности. Данный уровень включает в себя выявление, характеристику мотивов и целей, движущих развитием личности [6].

Такая структура языковой личности представляет собой иерархическую систему, т. к. тезаурусный уровень является более поздним образованием и, надстраиваясь над вербально-семантическим, он качественно изменяет предшествующий, включая его единицы в качестве строевых элементов. Позднее на основе тезаурусного уровня развивается высший уровень – мотивационный, интегрируя составляющие предыдущих уровней и становясь определяющим для всего речевого поведения личности.

Представленная Ю. Н. Карауловым структура языковой личности постепенно разрабатывалась, уточнялась и дополнялась многими исследователями, что, в свою очередь, способствовало более точ-

ному описанию языковой личности с учетом лингвистических и экстралингвистических факторов, поскольку язык в этом случае предстает и как система, и как текст, и как способность.

Соответственно наиболее изученным в современной лингвистике является структурный подход к рассмотрению ЯЛ; коммуникативный (направлен на изучение социальной сущности языка и типов носителей языковой способности) и стратегический (обращается к речемыслительным механизмам реализации языковой способности индивида) получили меньшее развитие (В. И. Карасик, Р. Русев).

О различных подходах к изучению языковой личности в настоящее время говорила и Е. А. Земская, выделяя три основных:

1. Выявление общих особенностей языка у совокупности лиц, объединенных по каким-либо существенным признакам (то есть создание коллективного речевого портрета).

2. Монографическое описание речи отдельных лиц, создание речевых портретов, учитывающих как общие черты, присущие человеку как представителю определенной общности (социальной, профессиональной и т. д.), так и индивидуальные черты, присущие ему как личности.

3. Изучение судьбы отдельных особенностей русского языка.

Сложность и важность освещенной нами проблемы, заключается в отсутствии единой методологии описания *исторической* языковой личности. Степень индивидуализации в разные эпохи оказывается различной, и пусть не была особенно субъективна древнерусская литература, однако «даже наименее человеческое в ней остается человеческим и должно быть увидено в связи с целостной системой представлений и потребностей, умственных и эмоциональных навыков человека, поставленного в конкретные и неповторимые исторические условия» [8]. Анализируя различные средства репрезентации (наиболее ярко субъективное в тексте проявляется на уровне коннотации), все же можно создать образ языковой личности.

Речь человека (как письменная, так и устная) есть отражение его сущности: уровня образованности, степени начитанности, интеллектуального развития. На формирование языковой личности большое влияние оказывает ряд факторов: социальная среда, субкультура, в которой человек развивается, историческая эпоха и др. Выбор фактического материала обусловлен следующими его особенностями: интересна эпоха – время смуты, реформ, нестабильной языковой ситуации; сам автор – личность незаурядная, вызывающая много противоречий в её описании. Кроме того, Иван Грозный, по мнению ряда учёных, считается первым писателем, в творчестве которого ярко выражен образ автора, его индивидуальность. А также жанр – эпистолярная форма наиболее показательна в выражении авторского сознания, субъективной оценки (в трактате «О стиле», приписываемом Деметрию, говорится: «В письме...

проявляется человеческий характер. Почти каждый из нас запечатлевает в письмах свой образ. Конечно, и в других видах письменной речи проявляется характер пишущего, но нигде так очевидно, как в письмах» [1]). В различные исторические периоды функции, основная сфера употребления, назначение формы послания изменялись. Но главной характеристикой эпистолярного жанра оставалось наличие авторской субъективной точки зрения (форма писем удобна для выражения внутреннего мира человека). Важными для жанра являются также следующие свойства: лаконизм, ясность, точность (многословие осуждалось). Соразмерность и уверенность – главные эстетические категории. «Их отсутствие – признак безобразия, низменных страстей и пороков (*aurea mediocritas* – правило золотой середины)» [4].

В статье представлен материал анализа переписки царя Ивана Грозного и князя Андрея Михайловича Курбского (вопрос о сущности данной полемики представляется одной из важнейших проблем общественной мысли XVI в.; переписка очень важна для истории, поскольку вскрывает связь многих исторических явлений). Прежде всего следует установить, какие отношения были у автора с адресатом, от этого зависит форма обращений и, в целом, интонационный тон письма.

После падения вначале 60-х гг. ряда приближенных царя (Сильвестр, Адашев и др.), подозрительность его к своим боярам возрастала с каждым годом и в результате превратилась в маниакальную болезнь. Каждый побег имел следствием казни и опалы для близких изменника. Несмотря на такие меры, побег продолжались. Но более всего подействовало на Ивана Грозного бегство князя Курбского – перешел на сторону короля Сигизмунда.

Курбский принадлежал к числу образованнейших, начитаннейших людей, не уступая в этом отношении самому царю. Иван Грозный был одним из самых образованных людей своего времени, обладал феноменальной памятью, богословской эрудицией. Он – автор многочисленных посланий, музыки и текста службы праздника Владимирской Богоматери, канона Архангелу Михаилу. Царь способствовал организации книгопечатания в Москве. Он любил читать, интересовался описанием жизни великих царей прошлого. Иван Грозный был обладателем крупнейшей в Европе библиотеки. В ее состав входили византийские сочинения, античные и др. Их словесный поединок представляет большой интерес для исследования.

Анализ фактического материала позволил выявить следующие особенности языковой личности Ивана Грозного, ярко проявляющиеся в переписке царя с историческими деятелями.

На **лексическом уровне** широко представлен класс: *церковной лексики*, что свидетельствует о высокой набожности царя. (*понеже смотрения божия слова всюду исполняеши; прежде божия суда своим злодукавым самохотным изложением...; а з божиею помощию имъеши у себя воеводу множе-*

ство). Иван Грозный с детства затверживал любимые библейские тексты и исторические примеры, и все они сводились к одному – говорили о царской власти и ее Божественном происхождении, о государственном порядке, об отношениях к советникам и подданным, о гибельных следствиях разновластия и отсутствия единого начала. Иван Грозный первым из московских государей увидел и почувствовал в себе царя в настоящем библейском смысле, как помазанника Божия.

Выражением яркого темперамента, сурового, резкого характера является группа оценочной, грубой лексики. Наличие данного класса слов в речи автора объясняется отношением автора к адресату: *(аще и руками гдѢ не дерзнеши, но мыслию яда своего смертоносного много сия сия злобы сотвориши; и сие убо твое злобесное измѣнное собацкое умышление како не уподобится Продову злему неистовству; яко же ты бѣсовскимъ обычаемъ ядъ отрыгаеши?)*.

О высокой степени образованности, усиленном самовоспитании, нацеленном на повышение уровня эрудиции, грамотности свидетельствует наличие окказионализмов, причем новые сложные слова образованы по моделям церковной лексики (например, благообразный (человекоубийца; злолукавый; крестопреступникъ; скипетромдержания Российского царствия; закоснѣнный).

Грамматические средства, репрезентирующие авторское начало в тексте, можно разделить на несколько групп:

1. Следы 2-ой палатализации (процесс изменения заднеязычных согласных в мягкие свистящие согласные в положении перед дифтонгическими гласными переднего ряда) при образовании форм слов:

1.1. М.п. (П.п.) ед. ч. (*..иже в постѢ и в подвижѢ просиявшихъ;..царство в своей руцѢ держати;..ярославскому владыце*).

1.2. М.п. мн. ч. (*а о безбожныхъ языцехъ, что и глаголати!; иже во грѣсехъ царствие погубила*).

2. Формы двойственного числа (*не пред очима собирающе и похваляюще..*).

3. Зв. п. (*почто, о княже..*).

Несмотря на то, что палатализованные формы, формы двойственного числа и звательного падежа еще в XIV веке были утрачены, Иван Грозный использовал их в своей речи, что свидетельствует о его высоком уровне начитанности, не примирении новой, пока не устоявшейся измененной системе языка, о некоторой архаизации слова, а также акцентировании внимания на социальном положении, занимаемом посту, который возвеличивает образ царя на фоне остального народа.

Разнообразны **синтаксические средства**, актуализирующие авторское начало: цитирование библейских текстов (прямое и косвенное): *(како убо Лѣствижникъ рече: «Видѣхъ неволю ко иночествующимъ, паче волныхъ исправившихся»; збысться на тебѣ реченное: «Иже имѣѣ мнитъся, взято*

будетъ от него»;..по апостолу, «яко братию, а не яко враговъ имуще», - еже ты отвергъ еси).

Многочисленна группа, в состав которой входят сложные предложения разного типа: ряд однородных членов (прием нанизывания) *(аще ты с ними воеватися, тогда ты и церкви разоряти, и иконы попирати и крестианы погубляти..; яко птице, иже ни сѣвиши, ни жнуши, ни вжитицу собиращи..)*; осложненные деепричастными оборотами (термин «деепричастие» появился в 17 веке): *(..боярина нашего Федора Семеновича Воронцова, ободривъ и позоровавъ, вынесли из ызбы..; вся вселенная подсмеетъ, видя такую правду!)*; сложносочиненные сложноподчиненные предложения с разного вида придаточными.

Интерес вызывает группа риторических вопросов, наличие которых подчеркивает живость речи автора, связь с оппонентом, особенность формы письма (близость к устной речи): *(что же даши на ней измѣну в день Страшного Суда?; сию убо погубель и намъ совѣтуеши?)*.

Разнообразие синтаксических приёмов, которые образуют яркую и выразительную речь, напоминают стиль «плетения словес»: 3 тематических группы сравнений - зооморфные (*на заецъ потреба множество псовъ, на враги же множество воиновъ; и понеже еси порождение изчадья ехиднова, посему такой ядъ отрыгаеши*); растительные (*..и по пожныхъ словесѣхъ убо, подобна пути падающему сѣмени, сотвориш еси..*); библейские (*и понеже убо уподобимся еси аспиду глухому..; постническое пребывание подобно агницу..*).

Многочисленные повторы служат средством усиления, выделения определенной мысли: *(паче же нѣсть злѣе злобы твоей; тако и воспитахомся и возрастохом и воцарихомся божиимъ велѣниемъ..- градация)*.

Благодаря использованию метода статистического анализа (который предполагает выявление количественных закономерностей, связанных с функционированием способов выражения личностной репрезентации), были установлены доминирующие группы, отражающие особенности языковой личности Ивана Грозного:

- синтаксические: 29,8 % – риторические вопросы;
- 11,4 % – группа сравнений;
- лексические: 12,3 % – церковная лексика; 8,8 % – грубые, оценочные слова;
- грамматические: 6,1 % – устаревшие формы (2 палатализация, двойственное число, звательный падеж).

Таким образом, можно сделать вывод, что личность Ивана Грозного уникальна в своем языковом проявлении, репрезентация индивидуального стиля повествования представляет большой интерес. В посланиях Ивана Грозного отразилось разрушение строгих границ между жанрами литературы и деловой письменности: книжно-славянское просторечие

сочетается с обширными выписками из церковной литературы, канцелярскими формулами и живой московской речью. Иван IV не следовал правилам русского эпистолярного этикета (который предписывал выражать дружеские чувства); в переписке передано истинное отношение автора к адресату. Но соблюдены правила техники составления послания, предполагающие создание имитации диалога, что ярко выражено в переписке царя (достигается с помощью различных средств: частое употребление форм обращения, повелительных конструкций, разговорной интонацией). Его послания не обладают установленными для данного жанра свойствами, напротив, Иван Грозный придерживался своих ориентиров: искусное многоречие и «словесное витийство».

Литература

1. Античная литература // А. Ф. Лосев / под редакцией проф. Тахо-Годи – М.: ЧеРо, 2005. <http://library.greekroman.ru/crit/antlit01/08.htm>.
2. Виноградов, В. В. О теории художественной речи [Текст]: учебное пособие для филол. специальностей ун-тов и пед. ин-тов / В. В. Виноградов. – М.: Высшая школа, 1971. – 240 с.
3. Винокур, О. Г. О языке художественной литературы [Текст]: учебное пособие для филол. спец. вузов / О. Г. Винокур. – М.: Высшая школа, 1991. – 448 с.
4. Гулякова, И. Г. Языковая личность в эпистолярном тексте в аспекте категории многоканальности / И. Г. Гулякова // [электронный ресурс] <http://merorg.gorpyal.ru>.
5. Калугин, В. В. Царь Иван Васильевич Грозный как писатель [Текст] / В. В. Калугин // Литературная учеба. – М., 1993. – №3. – С. 211-226.
6. Караулов, Ю. Н. Русский язык и языковая личность [Текст] / Ю. Н. Караулов. – М.: Наука, 1987. – 261 с.
7. Конявская, Е. Л. Авторское самосознание древнерусского книжника (XI – середина XVв.) [Текст] / Е. Л. Конявская. – М.: Языки русской культуры, 2000. – 199 с.
8. Памятники литературы Древней Руси. Вторая половина XVI века [Текст] // Художественная литература. – М., 1986. – 640 с.

Рецензент – А. В. Шунков, ГОУ ВПО «Кемеровский государственный университет культуры и искусств».